

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

B.H. Bichakjian. Language in a Darwinian perspective. Peter Lang Europaischer Verlag der Wissenschaften Frankfurt-am-Main, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien 2002 316 p

Бернард Бичакжан известен в европейской (и, возможно, не только европейской лингвистике) уже более двадцати лет. Он жил и работал во Франции, специализировался по исторической лингвистике в Гарвардском университете, долгие годы был профессором в университете города Неймеген (Нидерланды), где живет и сейчас. Являлся Президентом LOS (Language Origins Society), лингвистического общества, активно работающего и собирающего свои Ежегодные Форумы уже 18 лет подряд. В 1992 г. им была опубликована статья в *Вопросах языкознания* [Бичакжан 1992], о чем он пишет с благодарностью в Предисловии к рецензируемой книге, изданной десять лет спустя. Позднее появилась его публикация и в петербургском издании *Язык и речевая деятельность*. Но все же в российском языкознании он известен мало (см., однако, анализ связанных с его теориями дискуссии и споров в нашем обзоре [Николаева 1996]), что объясняется не столько индивидуальными причинами, сколько и тем, что стремительно развивающееся направление, к которому он примыкает, в нашем отнюдь не бедном лингвистами языкознании как-то не воспринимается всерьез. Говоря очень упрощенно, зарубежная теория лингвистики как правило представляется у нас в русле того, что сам Бичакжан называет *mainstream linguistics*¹, и эта лингвистика – в основном американская, хотя уже становится очевидно, что в рамках европейского региона возникают новые и пока у нас не включенные в теорию самостоятельные лингвистические направления. Однако уже только за последнее десятилетие прошло четыре Международных конференций, посвященных эволюции языка (Эдинбург 1996, Лондон 1998, Париж 2000, Гар-

вард 2002)¹. Появились у нас работы, специально обсуждающие вопрос о том, что же такое эволюция в языке [Николаева 1991, Вельмезова 2002].

В прежние десятилетия Б. Бичакжан стал широко известен своей теорией пedomорфозиса, или ноотении, утверждающей, что язык движется в сторону усвоенного им ранее, отбрасывая то, что является более сложным и/или приобретено позднее. Само направление этого движения можно увидеть в речи современного ребенка [Bichakjian 1988, 1993]. Теория пedomорфозиса в свое время вызвала ожесточенную дискуссию.

В рецензируемой книге острых углов и экстравагантных теорий гораздо меньше и написана она очень просто, хотя вопросы ставятся здесь достаточно серьезные. Вслед за Предисловием следует Перечень таблиц и иллюстраций (а их в книге около сорока), затем – Словарь-индекс символов, диакритических знаков и аббревиатур. Основной текст книги, состоящей из 8 глав, занимает 278 страниц монографии. После него – Библиография, насчитывающая 225 единиц (наша отечественная наука представлена именами Вяч. Вс. Иванова, Т. В. Гамкрелидзе и Г. А. Климова), далее – Словарь основных понятий, используемых в книге, в конце – Предметно-именной указатель.

По сути дела, в книге ставятся следующие вопросы: 1) Что такое эволюция в языке, от-

¹ На одной из них – парижской – автору данной рецензии довелось присутствовать и было очень интересно видеть, как языкознание мгновенно, лидируя, обрастает новыми контактами с биологами, генетиками, психологами и др.

личается ли она от его истории, от развития языка? 2) Связана ли эволюция языка с аксиологией? Это хорошо или плохо? 3) Как мы можем определить, что для языка хорошо, а что плохо? 4) Почему одни языки развиваются по "оптимальному" пути, а другие – нет? 5) Каков спектр лингвистического разнообразия "оптимального" пути? 6) Можно ли сопоставлять биологическую эволюцию видов в дарвиновском смысле и развитие языка? 7) Почему эволюционная теория с такой легкостью была воспринята естествоиспытателями и встретила (встречает) сопротивление и неприязнь в языкознании? Наконец, одна из глав посвящена достаточно 'свежей' проблеме – можно ли говорить о параллелизме (изоморфном движении) эволюции человеческого письма и человеческого языка?

Анализ этой книги, пожалуй, легче всего начать с единственного недоумения, которое возникает при ее чтении у читателя-лингвиста, привыкшего к более узким по специализации текстам. Хотя в ней много иллюстраций и много сведений общенаучного характера, как будто бы известных из общей истории и общей культуры и из общей истории науки, но популярной все-таки ее назвать никак нельзя. Так кто же ее ангажированный читатель? И только после первого чтения можно понять, что прямой адресат у нее есть – это специалисты по культурологии и эволюционной семиотике, для которых и выпускается "бохумская" серия В Коха. Таким образом, Б. Бичакжан не популяризирует факты лингвистики, а вводит факты лингвистики в общенаучное эпистемологическое русло. Следовательно, недоразумения нет, но жанр этот пока в нашей науке еще не развит.

Первая глава – вводная и очень краткая – перечисляет те ведущие для большинства позиции, против которых выступает автор данной книги. Вторая глава содержит краткую историю эволюционного подхода в естественных науках – до Ч. Дарвина и после него, те рассказы об эволюции эволюционного подхода. И о ней в журнале 'Вопросы языкознания', согласно отечественной традиции, говорить нецелесообразно, т.к. многие сообщаемые здесь сведения вполне подробно прорабатываются еще в средней школе. Важно отметить здесь три взгляда на развитие феноменов, которых Б. Бичакжан называет Часы (a watch), Колесо (a wheel) и Вектор (a vector). Теория Часов предполагает прежде всего Часовщика (т.е. креационистская теория), который завел мир по определенной заданной Программе. Теория Колеса строится на циклах, циклы эти могут быть

темпорально различными, но также в конце концов предполагают конечную неизменность. Теория Вектора вписывает факты языка в общую систему эволюции Универсума. И здесь Б. Бичакжан цитирует Т. Добжанского (США), подчеркивавшего, что "основное в биологии просматривается только в свете эволюционной теории". Именно этот подход предлагается автором и для лингвистики. Третья глава монографии посвящена теории эволюции в истории лингвистики и тем изначальным феноменальным препонам, которые мешают языковедам принять этот подход и в настоящее время. Кратко описывая ранний период истории языкознания, Б. Бичакжан выделяет А. Шлейхера, который, прочитав Ч. Дарвина, стал его горячим поклонником, но до конца эволюционную теорию к лингвистике все же не применил. Методологические препятствия у биологов и лингвистов были разные. Против Дарвина была Церковь, а против поколения Шлейхера – прекрасное образование. Признать классические языки древности – греческий, латинь, санскрит – "предыдущим этапом было непреодолимо и недопустимо этически". И даже позднее на пути биологов стоял лишь скромный предок ('miserable ape'), а на пути лингвистов – радость от богатства реконструируемых языков индоевропейской семьи "Сдвиг", по мнению автора, наметился в XX в., когда появились общедиахронические идеи А. Мейе, днфт' Э. Сепира (как концепт, взятый из биологии), идеи Ф. де Соссюра, О. Эсперсена, А. Мартине, Н.С. Трубецкого и др. Критически в этой главе говорится лишь о концепции Р. Якобсона, который, хотя и употреблял термин "Entwicklung", но практически эволюционистом не стал. (Более подробно об этом мы будем говорить ниже в связи с теорией несовместимости эволюции и телеологичности). Недостатки современной лингвистики – идеи униформитарности [Николаева 1996], компенсаторности в синхронии и типологии, идеи врожденности диахронических путей – восходят, по мнению Б. Бичакжана, прежде всего к Л. Блумфильду и его последователям (включая Н. Хомского), которые и составляют идеологически малоподвижный "mainstream" современной лингвистики.

Итак, наиболее интересна для интерпретации четвертая глава книги – о том, какие именно языковые черты являются признаком эволюции ('Defining the evolution of linguistic features'). Эти признаки менее сложны при воплощении и перцепции (нейромышечные связи), но обладают большим функциональным спектром. По Ч. Дарвину подобные признаки появляются (случайно) пу-

тем естественного отбора (natural selection) и обладают большой адаптивностью. Б Бичакжан практически не говорит о "случайности" адаптивных признаков, но формулирует общую идею «Экспансия поля деятельности и сокращение "стоимости" речевой единицы» (с 103) (Из нашего изложения может следовать, что монография является текстом чисто теоретическим, на самом же деле она изобилует примерами из разных языков и неожиданными сравнениями)

Таким образом, дальнейшее изложение идей автора посвящено конкретным случаям подтверждения того, что диахрония – в том случае, если она ведет к лучшему – односторонне направлена, что лучше – это и произносительное удобство и удобство перцепции, а также совмещенность но не диффузность функций у одной единицы. Самый деликатный вопрос современной эволюционной теории, сразу же возникающий при ее обсуждении, это то, что, признав ее, придется и признать, что не все языки удовлетворяют ее требованиям в равной степени и придется тем самым расставить языкам отметки, нарушив языковую политкорректность, нарушив принцип 'униформитарности' и усложнив принятую теорию реконструкции. Автор книги его обходит, введя в рассмотрение только языки индоевропейской семьи, хотя и говорит о возможности показать эволюцию на всех языках планеты (с 109). В пятой главе, рассмотрев подробно теории прародин индоевропейцев и реконструкции протоструктуры индоевропейской фонетики, Б Бичакжан склоняется к идее одного гласного типа [e], который, в комбинации с ларингалами, создает всю гамму вокализма, включая долгие и краткие звуки. Это и есть действительный процесс оптимизации, так как математическая сложность всего ряда упростилась, а функциональные возможности повысились. Процесс оптимизации в грамматике прослеживается в книге на известных примерах исчезновения дуалиса и регрессии гендерной классификации имен, исходя из понимания референта. Например, день ясен, прозрачен, а 'ночь', таинственна и загадочна. Поэтому мы имеем *le jour / la nuit, der Tag / die Nacht, день (М) / ночь (Ж)*.

Явлениями одного процесса, по мнению автора, являются развитие предлогов в противовес флексиям, появление специализированных артиклей, возникновение личных местоимений, подавляющих личные окончания. Это все, как считает Б Бичакжан, в целом можно считать увеличением роли частиц (particles). Согласиться с этим последним трудно, т к именно древние языки были ча-

стицеобильными (например древнегреческий), и именно их комплексы могли начинать высказывание (ср., хеттский). Наконец, закон Вакернагеля, о котором в книге не упоминается, тоже в какой-то степени свидетельствует о тяготении 'частиц' к началу предложения (Возможно, автор понимает термин 'частицы' просто как мелкие служебные слова.)

К процессу оптимизации автор относит и развитие перфекта, ослабление роли аориста, ослабление или исчезновение медиальных форм, приведшее к подчеркиванию роли субъекта и совмещению медиальных форм с пассивом. Синтаксическая оптимизация состояла в важнейшем переходе языков от head-last к head-first, т е к ветвлению слева направо, к правоориентированной структуре высказывания. Это изменение Б Бичакжан связывает с тем, что порядок слов в древних языках предполагал глобальное восприятие (например, лат *Legatos miserunt*), а не движение от актанта. Новые же формы определены были эволюцией асимметрии мозга, развитием грамматически ориентированного левого полушария. Важным фактором изменения порядка слов является и развитие подчинения, упростившее сложность восприятия древней фразы. Ср., например (с 214), лат *Quid dicam de Socrate, cuius mortis illacrimari solet Platonem legens?* Или лат *De istis rebus expecto tuas litteras* (исте относилось ко 2 лицу) и англ *I expect a letter from you about your things*. Автор признает, что намеченный путь оптимизации оказался неодинаков для разных языков даже индоевропейской семьи. Этим различиям посвящена глава шестая 'Эволюция и различия'. Б Бичакжан понимает, что не все селективные инновации объяснимы. Например, понятно, что у дятла большой и сильный клюв. Но почему у него красный хохолок и полоски на крыльях? (с 183). Подобное есть и в лингвистике. Например *in* в произношении экономичнее чем *-ing*. Однако вряд ли возникнет *kin(g), sin(g), thin(g)*, т к уже есть слова *kin sin thin*. Интересным в этой главе является раздел об обмене (trade-off), когда одно возникает все-таки за счет чего-то другого. В частности, очевидно, что сложный для произношения звук неэкономичен. Зато он выигрывает по дистинктивности, и для коммуникации это важно. Поэтому древние языки имели более 'яркие' по дистинктивности звуки, но за это шла в свою очередь нейромускулярная плата. На оптимальное развитие языка может влиять и язык завоевателя, язык контактного соседа и т д. Наконец, на развитие языков осуществляется и 'внутреннее давление'

Оно идет от самих филологов, культивирующих миф о прекрасных языках древности, от кодификаторов, от учителей языка в школах Б Бичакжан приводит, в частности, первоначальное название книги известного лингвиста Р А Холла "Оставьте свой язык в покое!" (R A Hall Leave your language alone, 1950) Считая теорию циклов в целом неэволюционной, Б Бичакжан вполне признает циклизацию на уровне эмпирии Таково, например, развитие романского Futurum'a lauda-b-o (лат, синтет) > laudare habeo (лат, аналит) > je loueraí (франц, синтет.) > je vais louer (франц, аналит) и т д, однако через всю книгу проходит идея наличия общего направления в языковой эволюции, которую Б Бичакжан называет "Bauplan"

Предпоследняя, седьмая, глава рецензируемой книги посвящена эволюции письма Как и предыдущие главы, она начинается с подробного исторического очерка (что, как указывалось нами выше, приближает книгу к более популярному, чем обычно принято для концептуального текста, жанру) Поэтому следует отметить здесь действительно имеющиеся нетривиальные наблюдения и концептуальные построения Прежде всего Б Бичакжан привлекает для каждого вида письма эргономический фактор, т е количество нейромускульной энергии, затрачиваемой при каждом виде письма, которое в свою очередь требует определенной (такой и только такой) позы писца-исполнителя Важной оказывается оптимальная комбинация материала и максимально удобной позы начертания именно при таком материале Интересно здесь сравнение исходной точки "писания" при древнем письме с привычным для нас расположением цифр на циферблате, которое и отражает более древнюю стартовую позу Движение вправо Б Бичакжан связывает с более поздним развитием левого полушария с его концентрацией на правой стороне Самым важным в этой главе представляются параллели развития письма и языка, которые Б Бичакжан связывает в основном с эволюцией церебрального уровня "Нельзя не отметить ту поразительную вещь, что в обеих структурах – в языке и на письме – совершился фундаментальный поворот (reversal)" (с. 258) А именно

Язык вершина единицы в конце (head-last) > вершина единицы в начале (head-first),

Письмо справа налево > слева направо

В обеих системах мы имеем переход от холистического охвата к аналитическому, а переход от иероглифов к алфавитному письму можно приравнять к переходу к отношениям S/O вместо содержательных критериев агенса и пациенса В последней главе говорится

об отстающей" лингвистике и перечисляются основные эволюционные шаги индоевропейских языков, которые

А) кластеры взрывных заменяют простыми фрикативными,

Б) различия гласных по долготе/краткости – различиями по качеству,

В) аспектные отношения – темпоральными,

Г) порядок элементов с конечной вершиной – порядком с начальной вершиной,

Д) причастные обороты – сложноподчиненными предложениями,

Е) отношения агент/пациент – категориями S/O

В заключение автор подчеркивает, что он пишет только об однонаправленных процессах оптимизации языкового пользователя, т е об эволюции, но никак не касается по-прежнему загадочных вопросов общезыковых истоков

Книга Б Бичакжана интересна российскому читателю не только и не столько сообщаемыми фактами и историографическими очерками, т к в основном лингвисту-специалисту, как правило, все это известно, сколько простым и прямым сопоставлением дарвиновской теории и фактов истории языка Поэтому, очевидно, и примеры приводятся самые простые и автор отлично понимает, что реальная ситуация каждого отдельного языка оказывается намного сложнее начерченного однонаправленного пути

Заключая рецензию, можно высказать только два соображения Первое Телеология обычно противопоставляется дарвинизму и эволюционной теории вообще только из-за принятия/непринятия идеи случайности адаптивных признаков, оказавшихся в результате селекции удачными Не вдаваясь в философию, можно отметить, что движение к цели (телеология) вполне может включать в себя также и оптимальный путь отбора на оси селекции признаков, которые в конце концов не будут случайными В конце концов трудно различить "цель" телеологии и концепт Bauplan'a Второе соображение можно назвать прогнозирующим и мрачным Несомненно, что всеобщая компьютеризация все больше разделяет компьютерных пользователей на предпочитающих "иконки", картинки, идеографические кнопки, и тех (старшее поколение), которые стараются вчитываться в команды вербальные Также несомненно, что речь юных пользователей становится даже не столько бедной, сколько трудной для воплощения Таким образом, визуальный ряд нашей коммуникации, может быть, потихоньку движется к своим пиктографическим истокам

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бичакжан Б Х* 1992 – Эволюция языка развитие в свете теории Дарвина // ВЯ 1992 № 2
- Вельмезова Е В* 2002 – И А Бодуэн де Куртене об истории, развитии и эволюции языка и языков // Уч зап Казанского гос ун-та Т 143 Бодуэн де Куртене и современная лингвистика Казань, 2002
- Николаева Т М* 1991 – Диахрония или эволюция (об одной тенденции развития языка) // ВЯ 1991 № 2
- Николаева Т М* 1996 – Теории происхождения языка и его эволюции – новое направление в современном языкознании // ВЯ 1996 № 2
- Bichakjian B H* 1988 – Evolution in language Ann Arbor, 1988
- Bichakjian B H* 1993 – Le changement linguistique Avantages intrinsèques et immédiats // Mélanges W Zwanenberg / Ed par A Hulk, F Melka, J Schroten Amsterdam, 1993

Т М Николаева